

В. А. Якобсон

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСАНОГО ПРАВА В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Одним из наиболее интересных и многозначных феноменов культуры является возникновение и развитие права на определенном этапе любой цивилизации. Вопрос о том, почему вообще возникает право, какие экономические и социальные причины вызывают его к жизни и какова его социальная роль, с исчерпывающей полнотой исследован в трудах классиков марксизма-ленинизма, в частности, в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Гораздо меньше внимания до сих пор привлекал к себе вопрос о том, как возникает право, чем определяется форма и содержание конкретных его норм и той или иной конкретной системы права в целом. Историк права, сравнивающий правовые системы различных обществ, существовавших в разное время, но находившихся на примерно одинаковой стадии развития, обнаруживает разительные совпадения правовых институтов. Уже один этот факт служит подтверждением материалистического подхода к истории и опровергает различного рода диффузионистские теории культуры. Тем не менее в целях «чистоты эксперимента» вопрос о том, как возникает и формируется право, следовало бы изучить на примере такого общества, где возможность заимствований исключена, т. е. обратиться к самым ранним цивилизациям в истории человечества. Разумеется, это возможно лишь в том случае, когда такие цивилизации оставили нам достаточное количество данных. А наличие таких данных в свою очередь зависит от целого ряда факторов, в том числе и случайных — таких, например, как стойкость материала, употреблявшегося для письма.

В силу этих факторов древняя Месопотамия является подлинным раем для историка права. Прежде всего, можно заведомо отбросить возможность любых сколько-нибудь значительных влияний извне в начальной стадии развития. Но и в дальнейшем культура Месопотамии в течение трех тысяч лет развивалась непрерывно и без каких-либо заметных возмущающих влияний. Наконец, благодаря характеру писчих материалов, самим приемам письма (отсутствие органических веществ и красок) и благоприятным климатическим условиям сохранились до нашего времени многие сотни тысяч текстов различного содержания. И ведущее место среди них занимают юридические документы. Почти все документы частного права тщательно оформлены, снабжены длинным перечнем свидетелей, печатями и «конвертами», исключаящими возможность внесения в них каких-либо изменений. Такое изобилие документации может создать впечатление, что

жители древней Месопотамии были каким-то «народом сутяг»¹, но оно ошибочно. Если мы разделим имеющееся количество документов на три тысячи лет существования месопотамской культуры, то в среднем в год придется всего несколько десятков (!) документов. Если даже принять во внимание, что интенсивность юридической деятельности в различные периоды месопотамской истории и в разных частях Месопотамии была разной, то для самых «урожайных» годов и мест эту цифру надо увеличить лишь в два-три раза. К тому же подробное исследование этого вопроса показывает, что весьма значительная часть документов группируется вокруг немногих лиц или семей. Таким образом, подавляющее большинство населения древней Месопотамии не участвовало в юридической практике. Это обстоятельство, при всей его очевидности, обычно не принимается во внимание. Между тем оно требует чрезвычайной осторожности при всякого рода социологических выводах, основанных на юридических текстах и особенно на построенной на них статистике. Вместе с тем нельзя, конечно, не учитывать влияния правовых воззрений (связанных также с некоторыми особенностями месопотамской религии) на социальную психологию.

При анализе правовых представлений естественно опираться прежде всего на правовые памятники. Они могут быть разделены на три группы:

1. Памятники материального права, т. е. законы, «судебники», официальные и частные кодификации и т. п.

2. Памятники правовой практики, т. е. различного рода контракты, зафиксированные письменно, а также и другие документы, например, судебные протоколы и решения, царские пожалования и т. п.

3. Памятники правовой доктрины, т. е. различного рода юридические трактаты, учебники и справочные пособия.

Косвенные сведения о правовых воззрениях удается извлечь также из памятников неправового содержания: царских надписей, официальной и частной переписки, литературных текстов, их текстов молитв, заклинаний и предсказаний, одним словом, практически из любых разновидностей документальных памятников. Сведения эти содержатся в подобного рода памятниках, как правило, в неявном виде, и обнаружить их удается только при рассмотрении любого текста под «юридическим» углом зрения. Но зато из них можно узнать не только о конкретных юридических институтах, но и о правовых аспектах идеологии и культуры в целом, и притом увидеть их не статично, а в развитии². Если же говорить непосредственно о правовых памятниках, то в Месопотамии представлены главным образом первая и вторая их группы, т. е. законы и документы частного и государственного права. К третьей группе с известной натяжкой можно отнести лишь юридические справочники, т. е. серии «*Ana ittišu*» и «*Har-ra = hubullu*». Эти справочники представляют собой характерный для древней Месопотамии тип пособия для практиков в определенной сфере деятельности. Вместо изложения общих принципов и практических правил, подкрепленных примерами, как это характерно для справочников более поздних времен, авторы месопотамских справочников старались лишь собрать максимально возможное число практических примеров, которые надлежало заучивать на память. Предполагалось, очевидно, что это даст ученику возможность в дальнейшем справиться с любой конкретной ситуа-

¹ К подобному выводу (на основании литературных текстов) приходит С. Н. Крамер (см. *Kramer S. N. Rivalry and Superiority: Two Dominant Features of the Sumerian Culture Pattern.* — In: *Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences.* Philadelphia, September 1—9, 1956, p. 287 ff.).

² См., например, *Яковсон В. А. Представления о государстве в древней Месопотамии.* — Древний Восток, III. Ереван, 1978, с. 55 слл.

цией, руководствуясь усвоенными образцами. Так, например, математические справочники содержат образцы решения различных задач, но не дают общих принципов их решения, т. е. предполагают всякий раз действие по определенному шаблону. Не исключено, что некие общие принципы излагались ученикам устно в процессе обучения, но чрезвычайная громоздкость справочников позволяет утверждать, что основные надежды возлагались именно на шаблоны. Точнее говоря, именно в шаблонах и находили свое воплощение общие принципы. Уже упоминавшиеся юридические справочники представляют собой сборники образцов юридической фразеологии и терминологии, с помощью которых составлялись различного рода контракты, а возможно, и законодательные распоряжения³.

Образцы эти даны на двух языках (шумерском и аккадском), так что справочники являются одновременно и шумерско-аккадскими юридическими словарями. Однако знакомство с образцами документов правовой практики показывает, что месопотамские писцы придерживались этих образцов лишь в общем и целом. Сами справочники содержали большое количество синонимичных терминов и фразеологизмов, а в практическом употреблении их было, видимо, еще больше, и смысл их был зачастую весьма широким. Это обстоятельство имеет важное значение. Из него следует, что, пытаясь определить точное значение какого-либо правового термина и его отличие от других, стоящих в том же семантическом ряду, мы предполагаем наличие у месопотамских юристов такой же терминологической строгости, какая свойственна современной юридической науке⁴. Разумеется, существовали в месопотамском праве и термины, не имевшие синонимов и употреблявшиеся в сравнительно узком смысле, однако и они далеко не всегда однозначны и требуют от исследователя величайшей осторожности. Такой же осторожности требует и изучение материального права в целом. Следует помнить, что с одной стороны, праву всегда присуща известная консервативность, а с другой стороны, многие правовые институты и даже целые правовые системы способны надолго переживать свою эпоху, почти не претерпев формальных изменений, но существенно изменив свое внутреннее содержание⁵. Поэтому весьма желательно изучать истоки различных правовых институтов и их дальнейшее развитие, а также их практическое применение. Особенно большую пользу может принести изучение вопроса о том, как и почему в реальной жизни старались обойти те или иные установления права.

Хотя это предисловие может показаться несколько длинноватым и отчасти обескураживающим, оно, видимо, необходимо. Из сказанного выше следует, что ни чисто филологические, ни чисто юридические методы, ни даже те и другие вместе недостаточны для изучения клинописного права. Всегда необходимо принимать во внимание весь комплекс исторических, экономических и социально-культурных факторов, находящих в праве свое, подчас весьма неявное отражение.

³ См., например, так называемые «Шумерские семейные законы» в «*Ana ittišu*» (табл. 7, III, 23 — IV, 22), а также «Правила об отсрочке» (там же, дополнение к табл. 7) и дополнение к табл. 4.

⁴ См., например, *de Ellis M. Simdatu in the Old Babylonian Sources.* — JCS, 1972, XXIV, № 3, p. 74—82. Польза такого рода исследований нередко заключается, вопреки надеждам их авторов, не в том, что они позволяют выяснить единственное значение термина, но в том, что они приводят все случаи его употребления и, тем самым, все оттенки его смысла. См. также критику этой работы: *Kraus F. R. Akkadische Wörter und Ausdrücke*, XII. — RA, 1979, LXXIII, S. 51 f.

⁵ Ср. рецепцию римского права в Европе после падения рабовладельческого строя.

Иллюстрацией к этим положениям может послужить вопрос о возникновении писаного права и права вообще, а также о роли права на ранних этапах развития классового общества. Принято считать, что писаное право есть такой же необходимый атрибут государства, как, скажем, центральная власть, армия и т. п. Однако если под этим термином понимать именно законы, т. е. провозглашенные государством в определенной, письменной зафиксированной форме собрания норм, регулирующих основные стороны жизни общества и обладающих принудительной силой, то окажется, что эта точка зрения есть результат некоей аберрации, возникшей под впечатлением грандиозного здания римского права. Насколько можно судить по имеющимся данным, древняя Индия не знала сколько-нибудь широкого государственного законодательства. Дошедшие до нас «судебники» («Законы Ману», «Законы Нарады», «Артхашастра») — это либо частные кодификации, либо ученые трактаты. Исламское право, хотя оно тоже является в некотором смысле «писаным», практически не содержит государственных законов. Наконец, англосаксонское право именно потому и называется «прецедентным», что оно опирается главным образом не на законы, а на прецеденты, пусть даже и зафиксированные письменно. Закон — отнюдь не единственная форма существования права. Не случайно поэтому до сих пор идут дискуссии о природе и значении таких, например, памятников права, как «Законы Хаммурапи». До сих пор нет единого мнения о том, являются ли они действительно законами, или юридическими трактатами, или сборниками решений и т. п.⁶ Для решения этого вопроса, очевидно, и следует проследить само возникновение этого «жанра» клинописных памятников. Только таким способом можно понять причины их появления и развития, цели, которыми руководствовались их создатели, а также и самую их форму.

Древнейшие из известных ныне текстов, которым присущ законодательный характер, восходят еще к раннединастическому периоду. Первым из них является так называемая «Овальная пластинка», которую до сих пор приписывали Урунимгине⁷, но теперь следует отнести к его предшественнику Энметене. Дело в том, что, хотя «Овальная пластинка» содержит сведения о событиях, имевших место в правление Энметены, ее основной текст весьма сходен с текстом так называемых «Реформ» Урунимгины (см. о них ниже). О законодательной же деятельности Энметены его надписи не упоминали. Но недавно М. Ламбер опубликовал надпись Энметены на каменной табличке⁸ (ее перевод также в работе Д. О. Эдгарда, см. прим. 6), и из этой надписи следует, что Энметена тоже принимал некие «реформаторские» меры. Таким образом, появляется основание отнести «Овальную пластинку» к числу надписей Энметены. Однако ввиду фрагментарности этого текста и почти буквального совпадения в некоторых частях с текстом «Реформ» Урунимгины они будут рассмотрены вместе.

Текст «Реформ» сохранился в нескольких (отчасти поврежденных) списках и весьма труден для понимания⁹. Окончательное истолкование всех этих текстов во всех их деталях пока еще, видимо, невозможно. Но

⁶ См. *Finkelstein J.* On some recent studies in Cuneiform Law.— *JAOS*, 1970, 90, № 2, p. 256; *Edzard D. O.* «Sociale Reformen» im Zweistromland bis ca. 1600 v. Chr.: Realität oder literarischer Topos? — *AA*, 1961, XXII, f. 1—4, S. 145 ff.

⁷ *Thureau-Dangin F.* SAKI, p. 54 suiv.

⁸ *Lambert M.* Une inscription nouvelle d'Entemena, prince de Lagash.— *Revue de Louvre et de Musées de France*, 21, № 4—5, 1971, p. 3 suiv.

⁹ SAKI, p. 44 suiv. Cp. *Lambert M.*— *RA*, 50, 1956, p. 199, и *Diakonoff J. M.*— *RA*, 52, 1958, p. 199 suiv. Новейшую обработку этого текста см. *Hruska B.* Die innere Struktur der Reformtexte Urukaginas von Lagaš.— *ArOr*, 1973, 41, № 1, S. 4 ff.; № 2, S. 104 ff.

можно сделать попытку уяснить себе их основной смысл и цели их авторов. Тексты В и С «Реформ» Уруинимгины начинаются с рассказа о построении храмов и городских стен и устройстве каналов, осуществленных по приказу Уруинимгины. Эта часть текста (I, 1 — III, 1) причем не отличается ни по форме, ни по содержанию от других строительных надписей шумерского правителя Уруинимгины¹⁰. Далее сообщается, что «с давних дней, с прошлых времен, в те дни» имел место ряд обстоятельств, которые Уруинимгина считает предосудительными. Перечень этих обстоятельств (не всегда понятных) занимает в тексте весьма значительное место. Заключают этот перечень строки: ²⁶ri-lul-da ²⁷u₄-b₆-ta ²⁸e-me-a (вариант: e-me-am). Перевод этого места весьма спорен. Ri-lul-da является синонимом аккадского pelludû и означает «культ», «порядок отправления культа» и, возможно, в более широком смысле «порядок» вообще¹¹. В данном контексте это значение тем более вероятно, что в предшествующих строках речь идет о всевозможных беспорядках главным образом именно в отпращивании культа (жертвоприношениях) и храмовом хозяйстве. Строка 27 может иметь значение «прежде» или «прежний». Таким образом, вся фраза, по-видимому, означает: «(Божественный) порядок прежний где был?»¹². Эта фраза приобретает особый смысл, если учесть, что двумя-тремя десятилетиями раньше такие же «беспорядки» констатировал и пытался исправить Эмметена. Далее текст гласит: «²⁹ Когда Нингирсу, воитель Энлиля, VIII,1 Уруинимгине ² „царственность“ ³ Лагаша ⁴ дал и ⁵ из 36000 человек ⁶ рука его взяла его (т. е. Уруинимгину), ⁷ решение ⁸ с тех пор ⁹ он установил для него. ¹⁰ Слово, (которое) господин его, ¹¹ Нингирсу, ¹² сказал ему, ¹³ он установил (?)».

Следующая часть текста содержит установления, которые завершаются сообщением: «XII,12 (Так) он повелел¹³. ¹³ Граждан Лагаша¹⁴ ¹⁴ от взыскания долгов¹⁵, ¹⁵ от „установленного гура“ (т. е. подати¹⁶), ¹⁶ от „уменьшенного зерна“ (т. е. от уменьшения пайков? ¹⁷), ¹⁷ от падения ниц (?)¹⁸, ¹⁸ и от побоев, ¹⁹ в „доме взятия“¹⁹ ²⁰ он освободил. ²¹ Возвращение их в прежнее состояние ²² он установил²⁰. ²³ Дабы сироте и вдове ²⁴ сильный

¹⁰ Ср. SAKI, p. 42—44.

¹¹ Предлагавшийся И. М. Дьяконовым перевод «закон» (см. ВДИ, 1951, № 1, с. 23) вряд ли возможен уже хотя бы потому, что слово pelludû, как и другой его аккадский синоним parsu, никогда не употребляется в этом смысле.

¹² Ср. Sollberger B. Le système verbal dans les inscriptions «royales» présargoniques de Lagas. Genève, 1952, p. 213, 227. Более распространен перевод «Таков был прежний порядок».

¹³ Т. е. Уруинимгина? Так, видимо, следует из контекста.

¹⁴ Букв. «детей Лагаша».

¹⁵ В тексте: nar-ra ti-la. Ti-la = til-a. Перевод И. М. Дьяконова «от долговой кабалы» основан на значении til — «завершение», «исполнение», но выводить отсюда значение «долговая кабала» вряд ли можно.

¹⁶ gur-gub-ba здесь принимается равным še-gub-ba в строках III, 14—17. Речь, следовательно, идет об освобождении от какой-то подати (нововведенной?). И. М. Дьяконов оставляет это место без перевода.

¹⁷ še-si-ga, si-ga означает «маленький», «малый». Существует параллельное выражение ninda si-ga (см. Deimal A. SL, S. 1090). Перевод И. М. Дьяконова: «от потрав(?)».

¹⁸ И. М. Дьяконов переводит строки 17—19: «воровства, убийства и грабежа (?) домов», отмечая, что в последнем случае — перевод по контексту (ВДИ, 1951, № 1, с. 26, прим. 5). Однако здесь спорен самый контекст. В тексте «Реформ», видимо, ничего не говорится о подобных беспорядках, но весь их смысл в том, что восстанавливаются нарушенные права, вытекающие из старых обычаев.

¹⁹ Читаю: e-dib-bi. Имеется в виду тюрьма или (что более вероятно) дом, куда должник попадает в качестве nerûtum (ср. ЗХ 114—115, но особенно ЗЛИ § 23)? И. М. Дьяконов переводит: «грабежа (?) домов», тоже, видимо, исходя из принятого им контекста.

²⁰ Ama-gi₁-be e-gar. Обычно переводят: «свободу их он установил» (И. М. Дьяконов). Но весь смысл текста — восстановление прежнего порядка вещей. Ama-gi₁ — букв. «возвращение к матери», т. е. «возвращение в исходное состояние».

ничего (дурного) не причинял. Урунимгина (помощью) Нингирсу это повеление скрепил.

В конце текста вновь упоминается о построении канала, которому, между прочим, было возвращено «прежнее» имя.

Эта пространная надпись по своей форме относится к типу *res gestae*, т. е. повествует о деяниях правителя, рассказывает о том, как плохо обстояло дело раньше и как положение было исправлено; таким образом, ее содержание не уникально. Такие рассказы можно найти и в «Стеле коршунов», и в надписях Энметены. Единственное отличие состоит в том, что в надписи Урунимгины речь идет не о внешнеполитических событиях, а о делах внутренних. Что же касается содержания надписи, то здесь прежде всего следует отметить, что речь в ней идет не о «реформах», т. е. не о нововведениях, а о возвращении к «прежним» порядкам, т. е. Урунимгина был (во всяком случае, считал себя) не реформатором, а реставратором²¹. И. М. Дьяконов полагает, что мероприятия Урунимгины были почти исключительно в интересах жречества²², а также «были направлены на усиление частной собственности и патриархальной семьи»²³. Однако эти утверждения по меньшей мере спорны. Отмена долгов и долговой кабалы и запрет оказывать давление с целью приобрести имущество (ср. XI, 20 — XII, 14) отнюдь не способствует росту частной собственности. С другой стороны, жрецы не составляли какой-либо особой касты, а имущество храма, на которое пытались наложить руку прежние правители, составляло резервный фонд для всей общины. Таким образом, действия Урунимгины скорее препятствовали укреплению государственной власти (лишая ее материальной базы) и развитию частной собственности. Иными словами, «реформа» Урунимгины есть попытка задержать развитие классового общества. Разумеется, она была заранее обречена на неудачу. Требования экономического и социального развития властно диктовали ход событий. Частная собственность и государственная власть неизбежно должны были пробить себе дорогу через все препятствия, хотя произошло это и не скоро. Но почему же воздвигались эти препятствия? Только ли потому, что Урунимгина был ставленником жречества и потому отстаивал интересы храма в ущерб интересам государственной власти?²⁴ Объяснение всему этому следует, скорее, искать в самих особенностях раннеклассового общества, в его идеологии и психологии.

Известно, что право (хотя на рассматриваемом этапе развития общества о нем можно говорить лишь условно) есть возведенная в закон воля господствующего класса²⁵. Но необходимо понять, в чем состоит эта воля на данном этапе, чем она определяется и насколько она едина (ведь господствующий класс здесь — все свободное население!). На раннем этапе сложения классового общества и государства многие институты первобытнообщинного строя и присущие ему идеология и психология продолжают существовать длительное время, и притом не в виде пережитков, осознаваемых обществом именно как таковые, а в виде активно действующих и играющих чрезвычайно существенную роль феноменов общественного устройства и культуры данного общества. Первое место среди них занимает городская и сельская община. Ее поразительная живучесть на протяжении нескольких тысячелетий (несмотря на периоды упадка, на-

²¹ Такая точка зрения была впервые высказана несколько лет назад Д. О. Эдцардом (Мюнхен) в его лекции о «Реформах» Урунимгины, прочитанной в Ленинграде для сотрудников ЛОИВ АН СССР.

²² См. Дьяконов И. М. Реформы Урукагины в Лагаше. — ВДИ, 1951, № 1, с. 29—30.

²³ См. там же, с. 30.

²⁴ Там же, с. 31, а также Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, с. 194.

²⁵ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 443.

пример, при III династии Ура) объясняется тем, что в условиях низкого уровня развития производительных сил она являлась практически единственной формой политической организации свободного населения и единственным средством обеспечения экономической взаимопомощи²⁶. Храм тоже возникает как составная часть общинной организации, а его земли и накопленные средства служат резервным фондом для всей общины. Все эти факты достаточно хорошо известны. Но при этом почти не обращают внимания на порождаемые этими фактами идеологические и социально-психологические явления. Если в течение многих тысячелетий земельный фонд общины является общей собственностью всех ее членов на условиях уравнительного землепользования, то возникновение внутри общины имущественной дифференциации, ведущей к сосредоточению земли в руках одной части общинников и обезземеливание другой части, неизбежно должны рассматриваться как нарушение древнего порядка — едва ли не всего миропорядка. Если имущество храма рассматривалось как имущество бога, но находящееся в общем пользовании членов общины, то переход этого имущества под полный контроль одного лица (правителя) или группы лиц (жрецов) должен вызывать такую же реакцию. Наконец и сам правитель, который, конечно, является членом богатой верхушки общины и соответственно представителем ее интересов, с точки зрения всех общинников — преемник древних вождей общины, обязанный заботиться обо всех ее членах в равной степени и не злоупотреблять своей властью²⁷. Такой взгляд на роль правителя не мог не оказывать влияния и на его собственные представления о своих задачах и функциях. Давление общественного мнения (а на более ранних стадиях — народного собрания и старейшин) на правителя было именно давлением общинной идеологии²⁸. Поэтому, когда Урунимгина заявляет, что целью его «реформ» было, в частности (и в особенности?) добиться, чтобы «сироте и вдове сильный не причинял ничего дурного», то здесь можно увидеть явный отзвук этой древней идеологии общинной взаимопомощи. Эта формула в дальнейшем кочует из одного законодательного текста в другой, приобретая наиболее законченный вид в Законах Хаммурапи: «... дабы сильный не притеснял слабого, дабы сироте и вдове была оказываема справедливость....». В законах Ур-Намму²⁹ специально говорится о защите бедных от богатых (строки 162—168). Было бы грубой вульгаризацией видеть в этом одну лишь социальную демагогию. *Kittum* и *mīšarum* («Правда и Справедливость») занимали важнейшее место в идеологии древней Месопотамии, рассматриваясь как божественные установления (а иногда прямо персонафицировались как божества), и следование им считалось первейшей обязанностью правителя (ср. примеры из царских надписей вплоть до нововавилонского периода в САД). Разумеется, сама многочисленность царских сообщений о «восстановлении» *kittum* и *mīšarum* показывает, что они постоянно нарушались, но она же свидетельствует и о том, что общественное мнение вновь и вновь требовало их соблюдения.

²⁶ Подробно об общине см. Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. — ВДИ, 1963, № 1, с. 16—34.

²⁷ Ср. I таблицу поэмы «О все выдавшем», где рассказываются о том, как жалобы на самовластие Гильгамеша дошли до богов и заставили их принять соответствующие меры.

²⁸ См. *Kramer S. N.* «Vox populi» and the Sumerian Literary Documents. — RA, 1964, LVIII, № 4, p. 149 f. *Jacobsen Th.* Note sur le rôle de l'opinion publique dans l'ancienne Mesopotamie. *Ibid.*, p. 157 suiv.; *Arizi P.* «Vox populi» in the El-Amarna Tablets. — *Ibid.*, p. 159 f.

²⁹ Новейший перевод см. *Finkelstein J. J.* The Laws of Ur-Nammu. — JCS, 1956, XXII, No 3—4, p. 66 f.

Итак, многочисленные институты первобытнообщинного строя сохраняют свое материальное и идеологическое существование в течение едва ли не всей истории древней Месопотамии, и в этом смысле можно говорить, что большая часть этой истории в сущности представляет собой переходный период от раннеклассового к развитому классовому обществу (примерно до I тыс. до н. э.). Может возникнуть вопрос, что же это за «переходный период», который длится два тысячелетия? Ответ на этот вопрос состоит, по-видимому, в следующем.

Нельзя подходить к продолжительности исторического процесса с современными мерками, ибо ход этого процесса ускоряется. Для новейшего времени сто лет — громадный промежуток времени, в ходе которого мир претерпел коренные изменения. Но переход от феодализма к капитализму занял несколько столетий. Сложение феодального общества заняло вдвое больше времени. Рабовладельческое общество (там, где его развитие не испытывало влияния со стороны более развитых обществ) складывалось тысячелетиями. А более ранние периоды в истории человечества измеряются десятками и сотнями тысяч лет.

Если суммировать все сказанное выше, то следует сделать вывод, что идеология и психология обитателей древней Месопотамии была обращена назад, к первобытному строю, который и мыслился как идеальное царство справедливости³⁰. Не случайно почти у всех народов существовали мифы о «золотом веке» в далеком прошлом. Этим обстоятельством и определяется идеологическая тенденция «законсервировать» наиболее древние (и уже по одному этому наиболее уважаемые) общественные институты, устранить «нарушения», неизбежно возникающие в ходе развития общества. Этим и объясняется тот факт, что «реформы» Уруинимгины были на самом деле не реформами, а реставрацией старых порядков. Противоречие же между консервативностью идеологии и прогрессом общественных отношений объясняется и тот факт, что реставрация эта могла быть лишь частичной, да и то временной³¹. Каждый последующий законодатель (за исключением Гудеи, который, кроме заботы о «сырых и убогих», допускал лишь временные послабления по случаю храмовых праздников) вновь и вновь провозглашал все те же цели, но в каждом новом законодательстве мы видим все новые и новые уступки неумолимому ходу экономического развития. Но одновременно мы увидим в этих законодательствах все новые и новые попытки противодействовать этому ходу событий. Об этом, однако, более подробно будет рассказано в другой нашей работе, а пока вернемся к форме законодательных актов.

Законы Ур-Намму³² начинаются с «пролога», который тоже есть в сущности *res gestae*, т. е. надпись о деяниях Ур-Намму, хотя и несколько более пространная, чем другие его надписи. В «прологе» сообщается об исторических событиях (победа над Наммахани, *энси* Лагаша, возвращение в Ур священной ладьи бога Наннара — строки 37—86). Далее (строки 87—96) перечисляются «непорядки» в стране, во многом подобные, почти

³⁰ По замечанию И. М. Дьяконова, древним была чужда концепция исторического прогресса.

³¹ На проходившем в 1970 г. в Ленинграде Международном конгрессе по экономической истории проф. Бикерман (США) сделал доклад, в котором утверждал, что братья Гракхи были не «реформаторами» и тем более не «революционерами», а реставраторами старых порядков и, следовательно, «реакционерами». Большинство слушателей эти утверждения были восприняты как блестящий парадокс. Однако в свете сказанного выше правота докладчика представляется несомненной. Благородство намерений Гракхов бесспорно, но они были выразителями старой идеологии, пришедшей в противоречие с новыми экономическими условиями. Поэтому, если бы даже их не постиг столь трагический конец, их победа могла быть в лучшем случае временной.

³² См. *Finkelstein. The Laws of Ur-Nammu.*

текстуально совпадающие с теми, которые перечислены в тексте «реформ» Уруинимгины, и рассказывается о том, как эти «непорядки» были исправлены (строки 104—124). Далее Ур-Намму повествует о введении единой системы мер (строки 143—149) и, видимо, о каких-то строительных работах (строки 150—160, текст сильно поврежден). Затем сообщается, что сироту не выдавали богатому, вдову не выдавали сильному, бедняка («человека одного сикля») не выдавали богачу («человеку одной мины»). Далее текст пролога обломан. Затем следует текст самих законов, в котором, однако, трудно установить какую-либо систему. Имелся ли у «Законов Ур-Намму» эпилог — пока не известно.

Таким образом, текст «Законов Ур-Намму» представляет собой по формальным признакам развитие царской или правительской надписи. Его главное отличие от текста «Реформ Уруинимгины» — большая детализация в собственно законодательной части. По существу мы наблюдаем здесь развитие нового «жанра» — переход от собственно надписи, основное назначение которой — оставить память о деяниях царя для грядущих поколений, к законодательному тексту, содержащему зафиксированные установления на настоящее и будущее (будущее и здесь предполагается неизменным).

Подобную же структуру имеют и «Законы Липит-Иштара»³³, но здесь чисто законодательное начало выражено гораздо сильнее³⁴ — возможности писаного права уже оценены по достоинству. Они даже переоценены в «Законах Эшнуны»³⁵, которые начинаются с установления тарифа цен. Это — еще одно проявление господствовавшей в древности убежденности в том, что «справедливость» может и должна быть независимой от злобы дня, что она вечна и неизменна.

Свое окончательное завершение новый жанр получил в «Законах Хаммурапи». Хотя их структура (пролог, законодательный текст, эпилог) повторяет своих предшественников, но содержание пролога совсем иное. Здесь уже отсутствуют *res gestae* в том виде, какой мы наблюдаем в предыдущих текстах. Конечно, традиция в известной мере соблюдена и здесь, но Хаммурапи в сущности не сообщает о себе ничего конкретного: ни о победах, ни о строительстве храмов, ни о рытье каналов в сколько-нибудь конкретной форме не говорится. Цель пролога — совсем иная: обосновать законность и угодность богам власти Хаммурапи над всей Месопотамией. Однако здесь уже нова и концепция государства³⁶, и концепция власти. Если Лугальзагеси обосновывает свою власть над Южным Двуречьем тем, что «в святилищах Шумера в качестве *энси* стран его избрали»³⁷, то Хаммурапи, перечисляя благодеяния, оказанные всем важнейшим городам Месопотамии и их святилищам и богам, тщательно избегает любых формулировок, которые могли бы быть истолкованы в смысле его персональной связи с этим городом и его божеством. Город Хаммурапи — это Вавилон, Город *par excellence* (подобно латинскому *Urbs*), а его бог — Мардук, хотя, разумеется, он не пренебрегает и благосклонностью других богов. Таким образом, власть Хаммурапи — это не гегемония древних правителей и не личная уния, основывающаяся на том, что Хаммурапи «венчается на царство» во всех бывших номовых центрах. Перед нами новый тип власти: держава Хаммурапи — первое в истории Месопотамии централизованное государство в точном смысле этого слова. (Нам могут

³³ Русский перевод см. ЗВАХ. Там же библиография.

³⁴ Этим законам автор предполагает посвятить специальную работу.

³⁵ Новейшую обработку (нередко весьма спорную) см. Yaron R. *The Laws of Eshnunna*. Jerusalem, 1969, Ср. также Finkelstein J.J. — JAOS, 90, № 2, p. 245 ff.

³⁶ Подробнее об этом см. Якобсон. Представления о государстве...

³⁷ SAKI, p. 154.

возразить, что царству Хаммурапи предшествовали царство Аккада и царство III династии Ура, которые согласно господствующим в современной науке взглядам считались первыми централизованными государствами. Однако оба этих царства сохранили «номовую» структуру. В царстве Аккада власть правителя «нома» в принципе продолжала оставаться наследственной, хотя на эти должности цари Аккада нередко назначали своих чиновников. При III династии Ура окраинные «номы» имели наследственных правителей, хотя центральные «номы» управлялись царскими чиновниками. Но, повторяем, «номовая» структура так или иначе сохранилась, а с ней и упорный партикуляризм, вызывавший бесконечные мятежи в царстве Аккада. Царям III династии Ура удалось некоторое время сохранять единство на значительно урезанной по сравнению с царством Аккада территории, но при первой же возможности от Ура начинают отпадать сначала окраинные, а затем и центральные номы, и вновь начинается борьба за гегемонию. Таким образом, царство Аккада и царство III династии Ура сохранили многие черты гегемоний и были образованиями, переходными к централизованному государству. Хотя местный партикуляризм еще проявлял себя отдельными вспышками при преемниках Хаммурапи, это уже была его агония. Вавилонское царство, несмотря на все превратности судьбы, оказалось устойчивым. Законы Хаммурапи — первый в истории человечества чисто законодательный памятник, т. е. начало писаного права. Возникновение же писаного права в древней Месопотамии должно быть объяснено его генетической связью с более древним жанром — царской надписью, а содержание — теми идеологическими и социально-психологическими реакциями населения на изменяющиеся экономические условия, о которых было сказано выше.

Такой вывод вновь возвращает нас к дискуссии о сущности рассматриваемых текстов. Как предполагается, целью царских надписей было изобразить царя перед богами и потомством в качестве «заботливого пастыря», «царя справедливости», т. е. представляли собой перечень его добрых, доблестных и благородных деяний. Они, следовательно, имели ретроспективный характер. Отсюда делается вывод, что «эти кодексы» не должны расцениваться как «законы», — хотя сведения о современной правовой практике могут быть с осторожностью извлечены из них, — но как царская надпись апологетического жанра³⁸. Дж. Финкельштейн приходит к такому выводу, основываясь на сопоставлении «законов» и так называемых «указов о справедливости». Такого рода «указы» издавались всеми царями старовавилонского периода в первый или второй год царствования и предписывали частичную кассацию долгов и недоимок, а также и некоторые нововведения в экономической жизни³⁹. Дж. Финкельштейн полагает, что именно эти акты и давали царю право именоваться «царем справедливости», а так называемые «кодексы законов» представляют собой род *напу* — самовосхваления в эпическом стиле⁴⁰. Ф. Р. Краус тоже отвергает законодательную природу «Кодекса Хаммурапи» и подобных ему текстов⁴¹. И. Ренгер считает, что, хотя текст ЗХ

³⁸ *Finkelstein J. J. Ammisaduqa's Edict and the Babylonian «Law Codes».* — JCS, 1961, 15, № 3, p. 103.

³⁹ См. *ibid.*, но особенно *Kraus F. R. Ein Edict des Königs Ammi-saduqa von Babylon, Studia et documenta ad jura Orientis antiqui pertinentia.* Leiden, 1958.

⁴⁰ Сходной, хотя и более осторожной позиции придерживается Д. О. Эдвард («Soziale Reformen...», p. 115 ff.).

⁴¹ *Kraus F. R. Ein zentrales Problem des altmesopotamischen Rechtes: was ist der Codex Hamu-rabi.* — CRRA 9 (Geneva Ns 8, 1960), S. 283—296. Цит. по работе: *Renger J. Namurapis Stele «König der Gerechtigkeit».* — WO, VIII, N. 2, 1976, S. 228 ff. Там же автор отмечает, что столь авторитетные историки права, как Э. Шлеглер и Й. Клима, придерживаются противоположной точки зрения (ссылки см. на S. 235).

основывается на царских решениях по конкретным казусам и хотя он содержит прямое указание, что человек, имеющий судебную тяжбу, должен (или может) отыскать в нем соответствующее решение, речь идет «не о законодательном, а скорее о моральном аспекте» (*ibid.*, S. 234). Точку зрения Дж. Финкельштейна о генетической связи «законов» с «указами о справедливости» он отвергает, и, по нашему мнению, справедливо ⁴².

Автор этих строк, как уже ясно читателю, присоединяется к точке зрения Шлехтера и Климь. Представляется целесообразным суммировать здесь наши доводы.

1. В «Прологе» Законов Хаммурапи «повествование» движется от начала времени: Ану и Эллиль вручают Мардуку власть над всем человечеством. Затем они называют Вавилон его высоким именем, возвышают его над всеми странами света и помещают там для Мардука «вечную царственность». Затем они «называют по имени» (т. е. вызывают к жизни) Хаммурапи. Далее, перечислив свои славные деяния и свою родословную, он указывает на нынешнее положение дел. Поэтому слова *inmi-su* следует переводить не «тогда» (именно такой перевод служит для Дж. Финкельштейна одним из важнейших доводов в пользу мнения об отнесенности текста ЗХ в прошлое), а «теперь» или даже «отныне».

В «Эпilogue» Хаммурапи прямо указывает свою цель: «Дабы сильный не притеснял слабого, дабы сироте и вдове была оказана справедливость и т. д. ... я писал мои драгоценные слова на моей стеле...». Его целью, таким образом, является не вечная память и слава, а вечная справедливость, справедливость до конца времён.

2. Нет никаких оснований считать положения ЗХ имеющими лишь моральную силу. Тот факт, что ссылки на закон в текстах практически не встречаются, доводом служить не может. Обязательность ссылки на закон — характеристика права нового времени. Заметим, что в текстах не встречаются ссылки и на моральную силу ЗХ или других подобных текстов.

3. И. Ренгер (*Op. cit.*, S. 238 f.) считает, что если бы Хаммурапи имел законодательную цель, он назвал бы свой текст не *dīnāt mišarim*, а *šimdatum*. Отметив, что один из списков ЗХ озаглавлен вавилонским писцом как *šimdat Hammurapi* ⁴³, автор, однако, отмечает этот факт как «несущественный». Нам, напротив, это представляется весьма существенным (ср. также прим. 5). Надо полагать, вавилонский писец знал, что делал.

4. Отмеченное И. Ренгером (*Op. cit.*, S. 239) существование в Месопотамии обычного права не отменяет законодательного характера текста Стелы Хаммурапи. Напротив, кажущиеся «лакуны» в ЗХ (отсутствие наказания за убийство и чародейство и ряд других) оставлены, видимо, сознательно: эти случаи регулировались обычаем.

Таковы вкратце те доводы, которые заставляют нас принять точку зрения ученых, считающих ЗХ и другие подобные тексты именно законодательными. Мы полностью согласны с И. Климь, сказавшим, что если эти тексты и являются литературными памятниками, то лишь в том смысле, в каком такими памятниками являются Кодекс Феодосия и Кодекс Юстиниана ⁴⁴.

⁴² *Finkelstein. Ammisaduqa's Edict...*, S. 233.

⁴³ Издано: *Finkelstein J. J. A Late Old Babylonian Copy of the Laws of Hammurapi.*— *JCS*, XXI, 1967, p. 39—40.

⁴⁴ *Klima J. Neistarsi zákony lidstva.* Praha, 1979, p. 322.

THE EMERGENCE OF WRITTEN LAW IN ANCIENT MESOPOTAMIA

V. A. Jacobson

The emergence of law at a certain stage of civilisation is always an interesting and significant cultural phenomenon. In order to investigate how law arises and takes shape one must turn to the most ancient civilisations, and Mesopotamian civilisation is, in some aspects, the most convenient example. Written law (by which is meant law based exclusively or for the most part on governmental decrees) is not an indispensable attribute of a state. There are systems of law which are not «written» in the sense just indicated (Islamic law, English common law). In ancient Mesopotamia written law evolved gradually from *res gestae*, i. e. from the ruler's inscription narrating his military and peaceful accomplishments. Maintenance of *kittum* and *misarum* (justice and equity) was among his most important duties. The ruler was under constant social and psychological pressure generated by the ancient concept of community and was himself, both in public opinion and in his own mind, something of a tribal chief. Therefore he might on occasion act against the interests of the higher social strata in the community. When it is said, as it is in the inscriptions of several Mesopotamian rulers, that the king acted so as «not to let the strong oppress the weak» and to see that «justice be done to the orphan and the widow», this is not to be taken as mere social demagogy. Decrees were promulgated to this purpose, and their contents were told in the inscriptions. In the course of time this part of the inscription functioned independently as a means of publicising and enforcing the law. The laws of Hammurapi stand at the end of this line of development. They are the systematised representation of the laws then in force and not, as some have suggested, a literary exercise in self-praise.